

«ОН РЯДОМ, И С НИМ ЛЕГЧЕ...»

Киевский филолог Владимир Панченко — о поэзии Тараса Шевченко, национальной гордости и историческом самосознании «малороссов»

Летом 1843 года, вернувшись из Санкт-Петербурга на Украину после 14-летней разлуки с родиной, молодой художник Тарас Шевченко был удивлен блестящим приемом, оказанным ему во многих домах левобережного дворянства. На балу у графини Татьяны Волховской в ее полтавском имении, к примеру, юные панночки, которых старательно приучали к французскому языку, наизусть читали гостю отрывки из его поэтических произведений!

Мемуаристы свидетельствуют: «Кобзарь», изданный в Петербурге в 1840 году, передавали из рук в руки; поэзия Шевченко «разбудила апатию и вызвала любовь к родному слову». Казалось бы, Малороссия давно уже «растворилась» в имперском пространстве; потомки представителей казацкой старшины превратились в российское дворянство; украинскому языку отведена роль «мужицкого» наречия, недостойного быть языком самодостаточной литературы, — а вот, поди ж ты, что-то все же произошло с этими непонятными «хохлами» с их пресловутой «малороссийской шатостью» (склонностью к бунтам. — Ред.).

А происходило то, что в 1825 году историк Николай Маркевич обещал в письме автору поэм «Войнаровский» и «Наливайко» Кондратию Рылееву: «Вы еще найдете живым у нас дух Полуботка». Да, дух Полуботка — предания-мечты о бывшей Гетманщине, казацких временах, утраченной автономии — продолжал жить в среде наследников старшины XVII—XVIII веков. Можно даже говорить о феномене «двойной идентичности»: в домах Скоропадских, Кочубеев, Капнистов, Полуботков, Галаганов понимали, что их «отечество» — Россия, но «родина» — Украина.

Поэзия Тараса Шевченко потому и задевала многих его украинских современников, что своей страстью, болью, тоской, видением национального будущего и поистине апостольским проповедничеством она пробуждала историческое самосознание «малороссов», «заражала» их чувством гордости за свое, родное. Если

«Энеида» Ивана Котляревского многих лишь забавляла, то с поэзией Тараса Шевченко все было иначе. Недаром Николай Костомаров, вспоминая о своем впечатлении от «непечатанных произведений», услышанных из уст их автора, сознавался: «Тарасова муза прорвала какой-то подземный заклеп, уже несколько веков запертый многими замками...»

Казалось, с таким бесстрашием, сарказмом, с такой пронзительной неистовостью в Российской империи тогда не писал никто. И не так важно знать, что именно слушал в 1846 году историк: к тому времени уже были написаны и послание «И мертвым, и живым...», и стихотворение «Разрытая могила», и мистерия «Большой подвал», и поэма «Сон». И все они излучали тот «внезапный свет истины», который так поразил осторожного Костомарова.

Для многих поколений читателей само имя Шевченко стало синонимом Украины. Открывая его поэзию, украинцы лучше понимают самих себя — вчерашних и нынешних. За эту уникальную возможность самопознания, узнавания себя в слове национального гения миллионы отвечают поэту тем признанием, традиции которого стихийно закладывались еще при его жизни. В крестьянских хатах принято было иметь томик «Кобзаря». Тараса Шевченко почитали во многих аристократических семьях.

Скептики иногда говорят о чрезмерном «культе Шевченко», его «обожествлении», превращении в икону. Так было в 1910—1920-х годах, так случается и ныне, когда за окном — постмодернистские времена. Конечно, слепое поклонение ни к чему, в нем всегда есть некая театральность и неискренность. Особенно смешно видеть муки некоторых чиновников, которые вынуждены — по должности! — возлагать цветы, перерезать ленточки, цитировать по бумажке высокие слова... Мне всегда казалось, что сам Шевченко здесь ни при чем: к его имени, и уж тем более к его стихам, позолота не прилипает. Было немало случаев, когда

АВТОР

Владимир Панченко, доктор филологических наук, профессор Национального университета «Киево-Могилянская академия» (Киев)

уже в нынешней — независимой! — Украине власть имущие побаивались Шевченко. Мол, эти (или те) его стихи — «не вовремя».

Еще бы! Ведь, читая «Разрытую могилу» (1843), невольно подумаешь и о нынешних шести миллионах украинских «заробитчан» (трудовых мигрантов) за границей, и о современных циничных «латифундистах», подгребующих под себя шевченковскую «стену».

А вот о ненасытных правителях — еще как «вовремя»!

Доборолась Украина
До самого края.
Пуще ляха свои дети
Ее распинают.
Вместо пива праведную
Кровь из ребер точат.
Просветить родимой очи
Восхотел сыночек
Современными огнями,
Повести за веком...
(«И мертвым, и живым, и нерожденным»). Перевод
Павла Панченко-Трюха).

Подобных саркастических строк в послании «И мертвым, и живым...» много, и обращены они к гонимой, ослепленной жадностью, пресмыкающейся перед более сильными соседями и напроочь забывшей о своем национальном предназначении:

Рабы, подстилка, грязь Москвы,
Варшавский мусор — ваши паны,
Из тех ясновельможных, чванных
Надутых гетманов, увы!
(Там же).

Слово Шевченко прибавляет духовных сил. Ведь ясное осознание собственной правоты и обостренное чувство человеческого и национального достоинства, справедливости (а это — нравственная сердцевина поэзии Шевченко!) очень важны в момент отчаянной борьбы за будущее Украины, которую на твоих глазах «славных

прадедов великих правнуки поганые» зубами тянут к диктатуре, только бы не потерять награбленное.

Майдан — это взрыв негодования миллионов украинцев, не желающих оставаться быдлом. Это голос зарождающегося гражданского общества. Тот, кто в эти драматические дни приходит на главную площадь Киева, не сомневается: доведись Тарасу Шевченко жить сегодня, он, неисправимый бунтарь, как и в старые времена, угодил бы за решетку, — в этот раз как «экстремист»! Ведь призыв к свободе — это то, чего больше всего боятся правители, возмнившие себя диктаторами.

Свободу никогда не приносят на блюдечке — ее отвоёвывают. Нередко — ценой жизни. В Киеве первой жертвой стал 20-летний армянин Сергей Нигоян из Днепропетровщины, погибший в День Соборности Украины. Говорят, что парень мечтал поступить в театральный институт. Сохранился видеоролик, где Сергей читает «Кавказ» Тараса Шевченко:

Слава синим горным кручам,
Подо льдами скрытым.
Слава витязям великим,
Богом не забытым.
Вы боритесь — поборете,
Бог вам помогает!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

(Перевод Павла Антокольского).

Стихи Шевченко часто звучат со сцены Майдана. Его портрет, украшенный рушником, — перед глазами каждого, кто стоит здесь за «волю святую»...

Он, Тарас Шевченко, — рядом с тобой, он напоминает о несокрушимой силе правды, и ты отчетливо понимаешь, что с ним — легко. ■

GEO.RU

Остается ли поэзия Шевченко актуальной? Присоединяйтесь к дискуссии в рубрике «Мнения» на сайте www.geo.ru